

Сны героев произведений русской литературы XIX века

Исследовательская работа по
литературе

Содержание:

- 1. Функции снов в произведениях литературы
- 2. Сновиденческое пространство произведений А.С. Пушкина
- 3. Сны и циклы сновидений в произведениях Ф. Достоевского

1. Функции снов в произведениях литературы.

- “Сновидение” как способ подачи материала используется в литературе с древнейших времён (в «Одиссее» Гомера и в «Метаморфозах» Апулея) до наших дней.
- Прежде всего это композиционный приём подачи материала, его структурирования во времени и пространстве, иногда весьма необычного.
- Вместе с тем, описание сна является удобным и убедительным способом раскрыть душевный мир персонажа, в том числе и те его стороны, которые относятся к подсознанию.

2. Сновиденческое пространство произведений А. С. Пушкина

- “Борис Годунов”, “Евгений Онегин”, “Пиковая Дама”, “Капитанская дочка” – творения пушкинского гения, известные каждому школьнику. В каждом из этих произведений герои видят сны, функция которых в структуре текста представляет для нас интерес.

**“Всё тот же сон! возможно ль? В
третий раз! Проклятый сон!..”**

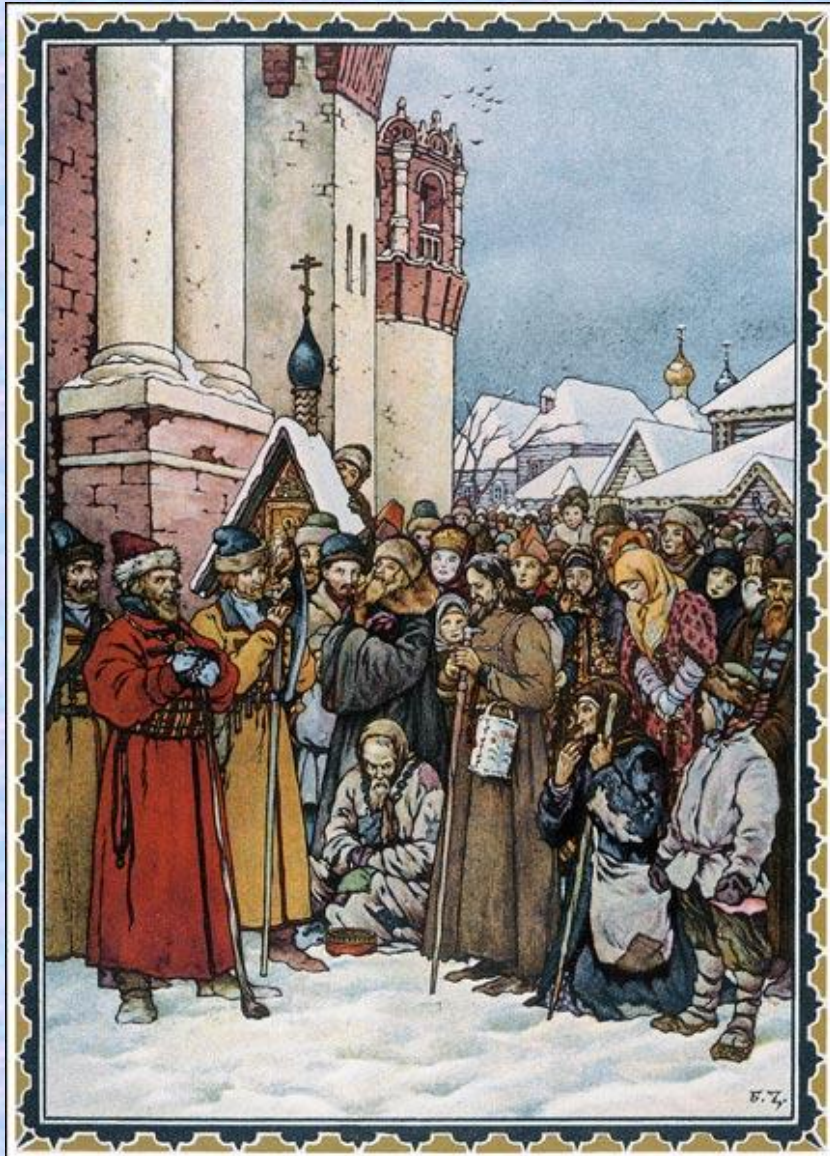

**Мне снилось, что лестница
крутая
Меня вела на башню, с
высоты
Мне виделась Москва, что
муравейник;
Внизу народ на площади
кипел
И на меня указывал со
смехом,
И стыдно мне и страшно
становилось —
И, падая стремглав, я
пробуждался...**

- Иерархичность пространства сновидения (верх—низ), несомненно, связана с боязнью падения на глазах у смеющегося народа. При этом сам герой в своём сне пассивен: он оказывается на башне как бы не по своей воле – его “введёт” наверх лестница, и точно так же подневольно стремительное падение самозванца.

Интересно сопоставить сны Григория и Петра Андреевича Гринёва (повесть “Капитанская дочка”)

- “Мне казалось, буран ещё свирепствовал, и мы ещё блуждали по снежной пустыне... Вдруг увидел я ворота и въехал на барский двор нашей усадьбы. <...> С беспокойством выпрыгнул я из кибитки и вижу: матушка встречает меня на крыльце... “Тише, — говорит она мне, — отец болен, при смерти, и желает с тобой проститься”.
- Поражённый страхом, я иду за нею в спальню. <...> Что ж? Вместо отца моего вижу? в постели лежит мужик с чёрной бородою, весело на меня поглядывая. Я в недоумении обратился к матушке: “Что это значит? Это не батюшка. И с какой мне стати просить благословения у мужика? <...> Тогда мужик вскочил с постели, выхватил топор из-за спины и стал махать во все стороны. Я хотел бежать... и не мог... Ужас и недоумение овладели мной... и в эту минуту я проснулся...”

- Финал сна Гринёва схож с финалом сна Григория: пробуждение в момент наивысшего психологического напряжения.
- Гринёв признаёт, что это “сон, в котором до сих пор вижу нечто пророческое, когда соображаю с ним странные обстоятельства моей жизни”.

Не менее «вещим» является и сон Татьяны из романа «Евгений Онегин»

- Психологическая мотивировка сна, очевидно, та же, что и у сновидений Дмитрия Самозванца и Гринёва, — тревожное, напряжённое ожидание грядущих событий. Ю.М. Лотман связывает мотивы сновидения ещё и со “специфической атмосферой святок — временем, когда девушки, согласно фольклорным представлениям, в попытках узнать свою судьбу вступают в рискованную и опасную игру с нечистой силой”.

Особняком стоят видения Германна героя повести “Пиковая Дама”

- Строго говоря, снов Германн в произведении не видит. Пушкин описывает только какие-то полумистические-полуреальные видения, которые автор представляет читателю именно в таком качестве, а не как сновидения. Это важно потому, что перед нами герой с болезненным сознанием, расстроенным “сказкой” о трёх картах, тайну которых он пытается вывести. Поэтому Германна тревожат не сны, которые нетрудно было бы отличить от реальности, а видения, происходящие как будто наяву, но слишком невероятные для того, чтобы быть правдой.

- Взаимодействие снов и реальности в произведениях Пушкина — один из интереснейших вопросов, который может стать темой отдельного исследования. Почему, например, к Гринёву и Татьяне Лариной, видевшим страшные сны, судьба отнеслась благосклонно (хотя оба не избежали жизненных испытаний), а Герман потерпел крах, несмотря на то, что покойная графиня открыла ему тайну удачи, которой он так ждал? Вопросов много, и невозможно ответить на все в пределах одной статьи. Мы лишь попытались наметить пути для будущих научных исследований сновиденческого пространства произведений А.С. Пушкина.

3. Сны и циклы сновидений в произведениях Ф. Достоевского

- Слова “сон”, “сновидение” попадают в название трех произведений Достоевского (“Дядюшкин сон”, “Петербургские сновидения в стихах и прозе”, “Сон смешного человека”), но герои многих его романов и повестей видят особенные сны, которые подробно описывает автор. Сны героев Достоевского запечатлеваются в памяти читателя не менее сильно, чем явь его романов.

Достоевский как бы подсказывает читателю методику прочтения снов его героев:

- “В болезненном состоянии сны отличаются часто необыкновенною выпуклостью, яркостью и чрезвычайным сходством с действительностью. Слагается иногда картина чудовищная, но обстановка и весь процесс всего представления бывают при этом до того вероятны и с такими тонкостями, неожиданными, но художественно соответствующими всей полноте картины подробностями, что их и не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев. Такие сны, болезненные сны, всегда долго помнятся и производят сильное впечатление на расстроенный и уже возбужденный организм человека”

- Герой романа “Подросток” замечает: “Были бесчисленные сны, целой вереницей и без меры, из которых один сон или отрывок сна я на всю жизнь запомнил”

- “О, все теперь смеются мне в глаза и уверяют меня, что и во сне нельзя видеть такие подробности, какие я передаю теперь, что во сне моем я видел или прочувствовал лишь одно ощущение, порожденное моим же сердцем в бреду, а подробности уже сам сочинил, проснувшись” (25, 115). В конце фантастического рассказа Достоевского “смешной человек” восклицает: “Сон? что такое сон? А наша-то жизнь не сон?”

Повесть “Двойник” начинается с пробуждения Голядкина от “долгого сна”:

- “Проснулся ли он или всё ещё спит, наяву ли и в действительности ли всё, что около него теперь совершается, или – продолжение его беспорядочных сонных грез”

**Фантастические
сны-видения
мучают
Ордынова, героя
повести
Достоевского
“Хозяйка”.**

- Сон и явь мистически смешиваются и для героев романа “Униженные и оскорбленные”.

“Преступление и наказание” - самый насыщенный сновидениями роман Достоевского.

- в тексте “Преступления и наказания” можно выделить цикл снов Раскольникова и цикл-тройчатку - тройной сон Свидригайлова. Все эти сны становились объектом внимательного изучения и комментирования. М. М. Бахтин, С. В. Белов, В. Я Кирпотин, Л. П. Гроссман, В. В. Кожин, Ю. Ф. Карякин, Р. Г. Назиров, Э. М. Румянцева, Н. М. Чирков, Г. К. Щенников и многие другие посвятили специальные главы или страницы своих книг анализу каждого из сновидений.

Первый сон сам герой называет “страшным сном”, “безобразным сном”

• Он видит себя ребенком, ему семь лет. Он гуляет с отцом за городом. Душно, серо. На краю города “большой кабак”. Странно, что рядом “церковь с зеленым куполом” и кладбище. Хохот, крики, драка. Пьяная толпа усаживается в телегу, и Миколка бьет лошадь. Наконец, кто-то кричит: “Топором ее, чего! Покончить с ней разом...” (6, 49). Мальчик бросается ее защищать, плачет, “обхватывает ее мертвую, окровавленную морду и целует ее, целует ее в глаза, в губы”.

Второй сон – это сон-греза, который привиделся ему накануне преступления.

- Он видит себя в Египте, в оазисе, пальмы, голубая и холодная вода, “чистый, с золотыми блестками песок”. Он пьет воду прямо из ручья, но тут бьют часы, он просыпается и идет убивать. Пейзаж этого сновидения явно противопоставлен душному Петербургу, а холодная вода, голубой и золотой цвета сна позволяют представить, чего жаждет душа Раскольникова.

Третий сон - это бредовый сон, сон-кошмар.

- Ему мерещится, что на лестнице квартальный надзиратель страшно избивает его квартирную хозяйку. Много свидетелей, разговоры, стоны, жалобы. Потом все затихает. Раскольников испытывает “безграничный ужас”, его мучает страх разоблачения. В этом сне в преображенном виде проступают события вчерашнего дня убийства. Страх, испытываемый Раскольниковым в комнате (“он хотел было запереться на крючок, но рука не поднялась...”) - , заставляет вспомнить пережитый ужас после убийства, когда он обнаружил, что дверь была не заперта на крючок, а потом притаился за дверью и слушает, как снаружи стучат, зовут старуху, разговаривают о том, что дверь “не на замке, а на запоре, на крючке то есть” - “значит, кто-нибудь из них дома”.

Четвертый он - это сон о повторном убийстве старухи.

- Действие как бы возвращается вспять, но теперь трагедия убийства оборачивается комедией. Сон становится как бы ответом судьбы на реплику Раскольникова: “О, как я ненавижу теперь старушонку! Кажется, бы другой раз убил, если бы очнулась!”

Последнее, пятое сновидение Эпилога существенно отличается от предыдущих.

- Это не один сон, а сжатый пересказ тех снов, которые снились Раскольникову во время болезни в острожной больнице. Это сны о какой-то страшной болезни, пришедшей из глубины Азии в Европу. Ее разносят “микроскопические существа” “трихины”, которые обладают умом и волей и вселяются в тела людей. Мир гибнет, но спасаются несколько, которые должны “начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей”. Это сон о мировой катастрофе, конце света, сон-апокалипсис и пророческий сон, в котором, как утверждают исследователи, представлено пророчество Достоевского о мировой войне или революции. Одновременно - это и сон-предупреждение, после которого Раскольников окончательно разочаровывается в своей теории о праве сильного на убийство пусть даже ради благородной цели

- Опора на фольклорно-мифологические, библейские и литературные источники является одной из характерных особенностей художественной гипнологии Достоевского. Превращал в сновидения литературные источники, Достоевский как бы иллюстрирует теорию происхождения искусства из мира творческих сновидений, которыми грезит сердце художника. Как говорит Просперо в пьесе “Буря” В.Шекспира:
- Из нас самих родятся сновиденья,
- И наша жизнь лишь сном окружена.

Список использованной литературы.

- 1. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1983.
- 2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1974.
- 3. Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. М., 1974.
- 4. Ильев С.П. Русский символический роман. Одесса, 1991.
- 5. Ремизов А. Сны и предсонье. - СПб., - 2000. - С. 277.
- 6. Достоевский Ф.М. Поли. собр. соч.: в 30 т. - Л., 1972-1990. (Ссылки даются по этому изданию с указанием тома и страниц в тексте статьи. Первая цифра указывает том, вторая – страницы.)
- 7. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф.М.Достоевского. - Саратов, 1982. - С. 140.
- 8. Борхес Х.Л. Письмена Бога. - М., 1992. - С. 403.
- 9. Назиров Р.Г. Творческие принципы Ф. М. Достоевского. - С. 141.
- 10. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. - М., 1972. - С. 290.
- 11. Катенин П.А. Избранные произведения. - М.; Л., 1965.-С. 84-85.
- 12. Недэвецкий В.А. От Пушкина к Чехову. - М., 1999. - С. 154-166.
- 13. Нечаенко Д.Н. ‘Сон, заветных исполненный знаков...’. Таинства сновидений в мифологии, мировых религиях и художественной литературе. - Киев, 1991. - С. 276.
- 14. Ахундова И.Р. “Все это, быть может, было вовсе не сон!” (“смерть” смешного человека) II Достоевский и мировая культура: Альманах. УГ 9. - М., 1997. - С. 187.